

**КЛАССИКА, КОТОРАЯ
ВСЕГДА С ВАМИ!**

*Скажи, что ты читаешь,
и я скажу, кто ты.*

А. ЧЕХОВ / А. БЛАН

*Я помню
чудное мгновенье...*

СТИХИ О ЛЮБВИ

Александр Пушкин

Москва
2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

Пушкин, Александр Сергеевич.

П91 Я помню чудное мгновенье... : стихи о любви / Александр Пушкин. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Время для желаний).

ISBN 978-5-04-195310-2

Любовная лирика Александра Пушкина разнообразна и богата. В творчестве поэта мы можем встретить и проникновенные юношеские элегии, и мудрые послания, и мадригалы в честь прекрасной дамы. Безмерное уважение к предмету воздыхания, искренность и отсутствие сентиментальной фальши — именно такую систему ценностей приносят произведения великого русского поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-195310-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1813 г.

К НАТАЛЬЕ

*Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût¹.*

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблён!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах²
Лёгким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошёл.

¹ К чему скрывать мне это?

Марго мне приглянулась (фр.).

² Воксáлы — увеселительные сады с помещением для концертов и балов.

Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонён.
В первый раз ещё, стыжуся,
В женски прелести влюблён.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придёт — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в лёгком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...

И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится...
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты¹ нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!

¹ Филимон и Анюта — действующие лица оперы Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват».

Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Лёгкой, миленькой Розины¹,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полную грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всею надежды я лишён.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты ещё не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? — Наталья!
Выслушай ещё меня:

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.

¹ Опеку́н и Розина — из комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

За учтвого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

1814 г.

ЭВЛЕГА

Вдали ты зришь утёс уединенный;
Пещеры в нём изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикой мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит.
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут — так! это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идёт Одульф; во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты? — спросил, — почто ты здесь?»
Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспалён:
В пещере здесь Эвлега ждёт Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажён,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной,
верной. —

Изменница! ты здесь его зовёшь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдёшь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падёт на дёрн, как клоч летучий снега,
Метелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал:
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, — кричал, — прелестная! постой,
Скажи: "Люблю" — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил.
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнём любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталась — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густую!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром

насажденных,

Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,

Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,

Какая странная во вкусе перемена!..

Ты любишь обонять не утренний цветок,

А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!

Пускай уже седой профессор Гёттингена,

На старой кафедре согнувшись дугой,

Вперив в латинщину глубокий разум свой,

Раскашлявшись, табак толченый

Пихает в длинный нос иссохшею рукой;

Пускай молодой драгун усатый

Поутру, сидя у окна,

С остатком утреннего сна,